

– Все уходит корнями в детство. В мой родной дом. Родители у меня историки, покойный отец – профессор, мать подготавливала докторскую диссертацию, издала книгу, да не защитилась: слишком много времени отнимали мы, пятеро ее сыновей. Родители дали нам идеальную возможность обретения себя, они не только понимали, но и разделяли наши метания, мои в частности. А меня швыряло от одного к другому, к третьему, пока я не пришел к театру. Причем семья была отнюдь не театральная. Никто из нас сценой особенно не увлекался. Старшие мои братья выбрали технические профессии, физику, математику. Я тоже учился в математической школе. В общем, все решилось, когда я, восемнадцатилетний, попал в самодельную театральную студию, меня затащили, забрало и уже не выпустило. С тех пор живу в кино, в театре постоянно удивляясь, почему мне платят деньги за работу, которая для меня более всего удовольствия?

– С домом родителей связано и ваше неизменное кредо: кино, театр существуют для всех, а не для избранных?

– Очень даже связано. Во-первых, я стремлюсь говорить с людьми о том, что волнует меня самого, и говорить предельно искренне. К сожалению, в нашей среде бытует мнение, что есть некая толпа (зрители) и мы (художники), стоящие над толпой. Меня такая позиция абсолютно не устраивает.

Я учился в трех школах. Всюду – разное окружение. В математической – элитарное. В спортивном зале, где я занимался борьбой, – парни из другой жизни, третий пласт – товарищи старших братьев, студенты. Был еще двор, обыкновенный ленинградский двор, где дружили, дрались, мирились, усваивая, что такое дружба, верность, предательство. Одни из наших ребят учились в ПТУ, кто-то постепенно сходил с круга, пропадал, оказывался в заключении. Кто-то вырастал в известного ученого, кто-то выбирал обычную жизнь обычного гражданина. Я не могу оторвать себя от всех этих людей, я никогда не ощущал и не ощущаю себя таким сверхчеловеком по сравнению с ними. Наоборот, я всегда иду то, что нас объединяет и сегодня. Поэтому хочу, чтобы мои картины были понятны, ясны, доходили до людей, заражая их нравственным зарядом, который мы стремились заложить. И непременно несли свет...

– В таком случае название фильма “Все будет хорошо” по отношению к вашей концепции имеет обобщающий смысл?

– Без-зв-слов-но! Именно оптимистическое начало объединяет наши фильмы, как и устремленность к идеалу. Хотя снимать картины такого толка очень трудно. Но в этом для меня еще одна точка контакта со зрителями. Отчего народ прилипает к телевизору, когда показывают старенькую “Простую историю” с Ульяновым и Мордюковой? Потому что есть там два хороших человека, умных, гордых, есть красивая и несчастливая любовь, ко-

торой каждый посочувствует, разделит беду героев. А у нас сейчас герои как бы вообще ушли с экрана, бродят разные мафиози, путаны, рэкетеры, и зрители, как говорится, сердцем не к кому прилепиться, не на кого примерить собственную жизнь. Оттого мы с Даниловым постоянно и прежде всего ищем Героя и, смею надеяться, находим. В “Изыди” это был молчок Мотл. В “Ты у меня одна” – инженер Евгений Тимонин, и в картине “Все будет хорошо” есть такие персонажи. Наши герои задаются вопросом, как им жить? Соответственно – как жить нам с вами? Но поиск ответа, естественно, идет не на уровня быта и отнюдь не только в российских рамках.

– Мне-то казалось, что проблема героя картины “Ты у меня одна” Евгения Тимонина исключительно наша, российская: уезжать ли ему в сытую и благополучную Америку, купаться там в молодых реках с кисельными берегами или

бы мои герои непременно выразили себя так, а не иначе.

– В ваших словах снова слышится тоска по идеалу – в наше безидеальное время! Того и гляди, запишут Астрахан в ретрограды!

– Ради Бога! Меня страшит, когда я вижу, как зачеркивается все, чем когда-то было так сильно наше искусство. Как мечутся на сцене, на экране мелкие, ничтожные, злобные фигурки, часто с окровавленными руками... Неужели они определяют то, чем мы живы? Ничего подобного. И сегодня у нас есть люди с точной нравственной шкалой, знающие, “что такое хорошо и что такое плохо”. И это совсем не социалистические нормы, в Библии очень четко, лаконично и даже категорично сказано: “не укради”, “не обмани”, “не убий”. Конечно, время вносит в великие заповеди свои краски, но суть неизменна, я это особенно чувствую, когда перечитываю Пушкина... Или смотрю лю-

– Счастье – в стремлении к нему?

– В том-то и дело. И еще – для нас очень важны взаимоотношения человека с временем, с нашим в частности. Когда-то рабовладельческий строй был несовершенным прогрессом по отношению к предыдущему, первобытно-общинному. Но масса людей стала рабами, то есть жертвами этого безусловного прогресса. И сегодня есть огромное количество жертв той общественной ломки, которую мы переживаем. Потерпевших крах, несчастных, обездоленных. Не всем быть богатыми, не всем ездить на Канары, сколько тех, кто еле-еле набирает на хлеб и молоко... Мы хотим услышать всех! Все правды. Все боли. Со стороны объективной и субъективной. Нередко в зависимости от их соотношения человек делает свой выбор, и это позволяет понять главную доминанту его устремленности – в контексте наших дней.

– Вы известны невероятной работоспособностью, умением снять два фильма за один год. Не изменило ли вам ваше энергетическое начало?

– В этом случае лучше всего называть конкретные вещи. Вместе с Даниловым работаем над шестнадцатисерийным сценарием телевизионного фильма под рабочим названием “Цветущий май”. Написано уже десять серий. Много героев, много судеб, все сходится в огромный узел. Неожиданно для нас самих возникают какие-то повороты, исходы... Заключена и вскоре будет показана картина “Из ада – в ад”.

– Судя по сообщениям в прессе, вы продолжаете его тему “Изыди”?

– В какой-то мере. Некоторое время назад немецкий продюсер Артур Браунер предложил мне снять фильм, основанный на реальных фактах: еврейский погром в польском городе Кельце в 1946 году. Это позорная страница в истории Польши, что признают и ее граждане. Потом был судебный процесс, виновных наказали, но разве этим все исчерпывается? Осталась неутоленная боль.

Поначалу у Браунера была своя концепция, но в итоге был принят наш с Даниловым сценарий. В “Изыди” речь шла о том, как, несмотря на давление верхов, насаждающих национализм, люди сохраняют душу и веру. В новой ленте несколько другой аспект: человек в определенных обстоятельствах может превратиться в зверя, при этом сохраняя ощущение, что он делает все из самых благих намерений. И проливается кровь. История наша не документальна, герои вымышлены. Это линии двух семей, польской и еврейской, это история маленькой девочки, ввергнутой в ужас кровопролития. Девочку сыграла уникальная восьмилетняя Лера Валеева, по сути, ее роль – самая главная в фильме. Лера стала настоящей актрисой: пока мы снимали ее, работала, как взрослая. Терпела дубли. Вокруг вилась ее, мама: “Ах, больше не надо!” Лера ей строго говорила: “Подожди! Это нужно!”

– А кто ее взрослые партнеры?

– Немецкая актриса Анна Клинт, недавно названная у себя на родине лучшей актрисой года. Сыграла более чем в тридцати фильмах, хотя она молода. Вторую женскую роль сыграла Алла Клюка, наша соотечественница, лауреат премии “Зеленое яблоко, золотой листок”. Живет теперь в Америке, но к нам приехала, охотно работала. Заняты у нас и Геннадий Назаров (его уже прекрасно знают россияне). И мой ученик Геннадий Свирь – в картине “Все будет хорошо” играл рок-певца, красавца, который почти ничего не произносил. Снял все за сорок два дня, это европейские нормы...

– Верите ли вы, что ваша новая картина хотя бы в чем-то предостережет людей от безумия и кошмара национализма, шовинизма?

– А зачем мне было так самому напрягаться, мучить людей – работа в кино мучительна, чтобы успеть снять, сделать фильм? Я искренне верю, что искусство может воздействовать на человека, что он, посмотрев фильм или спектакль, может что-то переменить в своей жизни, передумать, может быть, стать лучше. Я испытал это на себе, а ведь это и есть наш главный опыт...

Беседовала

Ельга ЛЫНДИНА

Искр. заг. – 1998 –
9 окт. – 0.8
Дмитрий АСТРАХАН:

Я вышел из бурки “Чапаева”

Пять лет назад Дмитрий Астрахан приметно, страстно и звучно дебютировал фильмом “Изыди”, завоевавшим многочисленные премии на отечественных и международных кинофестивалях, показанным в Соединенных Штатах, Франции, Германии, Израиле. Но практически фильм так и не появился на широком российском экране по недомыслию одного из продюсеров. Затем Астрахан и неизменный его соавтор в сценариях драматург Олег Данилов ошеломили зрителей новыми работами – картинами “Ты у меня одна” и “Все будет хорошо”. Ошеломили прежде всего несходством с их дебютной лентой. Трагическую эпическую “Изыди” сменил камерный мелодраматизм в “Ты у меня одна”, затем яркий лубок, граничащий с кичем, в картине “Все будет хорошо”. Каждая работа Астрахана и Данилова не просто привлекает внимание – немедленно возникают пылкие дискуссии, сталкивающие восторженные суждения со снисходительно-пренебрежительными по отношению к тем, кто делает кино для “широкого” зрителя. Пережив резкие высказывания критиков, радость при виде полных залов в кинотеатрах (что нынче событие чрезвычайное), Данилов и Астрахан остались по-прежнему свободными и независимыми в выборе материала и способе общения со зрителями. “Откуда эта полнота свободы? – спросила я режиссера. – Свободы – во всем?”

нищенствовать в родном Петербурге?..

– Конечно, в чем-то он повязан нашей нынешней ситуацией – социальной, экономической. Но есть в его выборе, решении остаться дома один очень существенный и для иноземных граждан аспект. Грубо очерчивая обстоятельства, напомню, что его “покупает” богатая американка, наша бывшая соотечественница, влюбленная в Тимонина с детства. Она уговаривает его уехать с ней, она молода, миловидна, предана ему бесконечно. А он отказывается от столь радужной вроде бы перспективы: если согласится, перестанет себя уважать. Разве это не понятно в любой другой стране, другим людям?

– И все же, все же... Нам присуща особая иррациональность мышления, особое мировосприятие. Вы показывали эту картину в Америке. Как там отнеслись к выбору вашего героя?

– С великим пониманием. И прекрасно осознавая всю меру соблазна, его искушавшего: они знают, как мы сейчас живем. Поэтому и оценили его решение как самое достойное.

После одного из показов картины в Америке рано утром мне позвонила служащая отеля, где я жил. Рыдая, сказала, что ей очень близок герой, хотя русских она не знает. В России никогда не бывала. Но ей так дорого, что Тимонин остался, не предал жену, дочь, свою любовь к постаревшей жене... Эта американка верно ощутила нашу точку зрения, прочувствовала ее через эмоциональный строй фильма, через поступок персонажа. Для меня всегда существен такой поступок, чтобы зрители сказали: “Как он прав, этот человек! Он сделал то, что должен был сделать. И я люблю его за это...” В “Изыди” Мотл с топором выходил на дорогу, спасая людей от погромщиков. Тимонин осознанно обрекает себя на нашу бедную, неуютную, полуфарсовую-полутрагическую жизнь – в материальном, житейском плане. Я точно знаю – зрителям нужно, что-

б и мы е картины...

– Одна из них – “Чапаев”?

– Да. И

фильмы Данелии, Панфилова с их энергией, силой эмоций, их персонажами. Я весь оттуда... На Первом сочинском фестивале “Кинотавр” после показа “Изыди” ко мне подошел мой коллега-режиссер, сын очень известного советского писателя. Сказал с иронией, с некоторым неудовольствием: “В вашем фильме много советского...” Я ответил: “А я рос на книгах вашего отца”.

Мне кажется, хватит сбрасывать все с нашего углаго перестроенного парохода, отказываясь от вершин в сценическом искусстве, в кинематографе, от имен, вошедших в мировую классику. Вы говорите: обвиняет меня в ретроградстве? Я этим не раз обожженный. Обвиняли и в примитиве, и в киче, особенно после выхода на экран “Все будет хорошо”. И никто, на мой взгляд, всерьез не задумался о том эксперименте, который мы с Даниловым проводим уже лет двенадцать (мы еще до кино сотрудничали в театре). Я бы сформулировал нашу позицию так: “Создавать спектакли и фильмы, интересные всем!” Рискаю еще раз вызвать на себя огонь критиков, тем не менее произнесу: “Все будет хорошо” – интеллектуальнейшая лента”. Нахально сказано? Что делать, если я так думаю. Фильм на самом деле очень непрост вопреки тому, что о нем писали. В его якобы легкости и простоте знакомые, привычные схемы повернуты новой гранью. Основной конфликт – не в противостоянии положительных и отрицательных персонажей, в абсолютное у нас подобных фигур вообще нет. Конфликт гнездится в глубине души каждого. Иногда это ушерщность, имеющая корни в прошлом: иногда по-настоящему пережитая драма, от чужих глаз упрятанная; иногда обида, которую не забыть... Причины могут быть разные. Но этот конфликт движет сюжет картины, отдельные нити соединяются, переплетаются, концентрируются... Причем герои стремятся быть счастливыми. Но кто скажет, что он действительно безгранично счастлив?